

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/IYOOAC>
УДК 82.09+821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ИММАНЕНТНАЯ КРИТИКА ЮЛИЯ АЙХЕНВАЛЬДА: СИЛУЭТЫ ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО

© 2022 г. О.А. Кравченко, З. Садеги Сахлабад
Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран
Дата поступления статьи: 30 марта 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 31 мая 2022 г.
Дата публикации: 25 сентября 2022 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-242-257>

Аннотация: Статья посвящена исследованию ключевых мотивов очерков «Гоголь» и «Достоевский» в сборнике «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда. Осмыслены рецептивные установки имманентной критики, предполагающей сверхисторическое бытование художественных смыслов. Предложено расширить систему разработанных Айхенвальдом концентров русской литературы методологически значимой оппозицией пушкинской и гоголевской традиций. В контексте данного противопоставления в статье описана линия преемственности Гоголь – Достоевский; показано, что комизм Гоголя и трагизм Достоевского равно противопоставлены гармонии пушкинского творчества. Проанализированы ключевые мотивы, связывающие очерки о Гоголе и Достоевском: безумие, мертвенность, преступление, ночное сознание, безверие в человека; осмыслены аллюзии к «Божественной комедии» Данте. Отмечено, что призыв преодолеть влияние Достоевского находит провиденциальное отражение в биографии Айхенвальда – пассажира «философского парохода», покинувшего Россию в 1922 г. Сделан вывод о доминантой роли гоголевско-достоевской линии в оценке критиком перспектив русской культуры.

Ключевые слова: Айхенвальд, Гоголь, Достоевский, Пушкин, имманентная критика, рецепция.

Информация об авторах: Оксана Анатольевна Кравченко – доктор филологических наук, аффилированный профессор кафедры русского языка факультета литературы, Университет Аль-Захра, Ванак, 1993893973 г. Тегеран, Исламская Республика Иран. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2766-0589>

E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir

Зейнаб Садеги Сахлабад – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка факультета литературы, Университет Аль-Захра, Ванак, 1993893973 г. Тегеран, Исламская Республика Иран.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>

E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir

Для цитирования: Кравченко О.А., Садеги Сахлабад З. Имманентная критика Юлия Айхенвальда: силуэты Гоголя и Достоевского // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 242–257. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-242-257>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

THE IMMANENT CRITIQUE OF YULY AIKHENVALD: SILHOUETTES OF GOGOL AND DOSTOYEVSKY

© 2022. Oksana A. Kravchenko, Zeinab Sadeghi Sahlabad
Alzahra University, Tehran, Iran
Received: March 30, 2022
Approved after reviewing: May 31, 2022
Date of publication: September 25, 2022

Abstract: The article is devoted to the study of the key motifs of the essays “Gogol” and “Dostoevsky” in the collection “Silhouettes of Russian Writers” by Yu. Aikhenvald. The Author analyzes the receptive attitudes of immanent criticism, which presupposes a superhistorical existence of artistic meanings. The article proposes to extend the system of Russian literature centres developed by Aikhenvald by a methodologically significant opposition between Pushkin’s and Gogol’s traditions. In the context of this opposition the article describes the line of continuity between Gogol and Dostoevsky, and shows that the Gogol’s comedy and Dostoevsky’s tragedy are equally opposed to the harmony of Pushkin’s work. The authors analyses key motifs linking Gogol’s and Dostoevsky’s essays: madness, deadness, crime, night consciousness, lack of faith in man; and also reflects on allusions to Dante’s “The Divine Comedy.” The article shows that the call to overcome the influence of Dostoevsky is providentially reflected in the biography of Aikhenvald, a passenger of the “philosophical steamship” who left Russia in 1922. The author concludes that the dominant role of Gogol’s and Dostoevsky’s line in the critic’s assessment of Russian cultural perspectives is obvious.

Keywords: Aikhenvald, Gogol, Dostoevsky, Pushkin, immanent criticism, reception.

Information about the authors: Oksana A. Kravchenko, DSc in Philology, Adjunct Professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, Vanak, 1993893973 Tehran, Islamic Republic of Iran.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2766-0589>

E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir

Zeinab Sadeghi Sahlabad, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, Vanak, 1993893973 Tehran, Islamic Republic of Iran. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>

E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir

For citation: Kravchenko, O.A., Sadeghi Sahlabad, Z. “The Immanent Critique of Yuly Aikhenvald: Silhouettes of Gogol and Dostoyevsky.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 242–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-242-257>

В истории литературной критики XX в. имя Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) знаменует торжество эстетических принципов анализа. Эта позиция была отмечена диаметрально противоположными реакциями современников. Лев Троцкий в статье с революционно-резким названием «Диктатура, где твой хлыст?» призывал «заставить Айхенвальда убраться за черту <...> со всей своей эстетикой...» (цит. по: [18, с. 118]). Владимир Набоков, один из близких берлинских знакомых Айхенвальда, увидел в нем «русскую версию Уолтера Патера» — идеолога британского эстетизма [24, с. 287]. Сама личность Айхенвальда выделяется в ряду русских профессиональных критиков: будучи философом по образованию и основному роду занятий, он стремился увидеть литературу поверх ее исторического течения, вне журнальной полемики, борьбы группировок и школ. «Айхенвальд восхищал современников блестящим литературным стилем, тонкостью и точностью анализа, глубиной проникновения в замысел писателя, умением любоваться художественной формой, если она казалась ему совершенной. Но более всего — свободой и независимостью суждений. Для него существовал один-единственный критерий: собственное эмоциональное восприятие того или иного произведения» [1, с. 80]. Обозначенный критерий предопределил как название метода Айхенвальда — «имманентная критика», — так и его главный прием: «исследователь художественному творению органически сопричастается» [13, с. XVI].

Критик избирает особую импрессионистическую оптику: его интересуется образ писателя, впечатление от его творчества в сознании читателя, поскольку «писателя нет, куда к нему не подошел, не выявил в себе читатель-критик...» [13, с. XXI]. Эта установка задает герменевтическую

перспективу, направленную не на историческую реальность создания произведения, а на внеисторическое бытование его смыслов: «...свершение, это — предел, и Рафаэль, закончив Мадонну, кладет свои кисти; между тем созерцание, функция критика, бессмертно <...>. Можно написать книгу, но нельзя ее прочесть: она бездонна и вечному подлежит восприятию» [13, с. XXI]. В книге «Силуэты русских писателей» (после первого выпуска которой в 1906 г. последовали многократные переиздания, каждый раз подвергавшиеся редактуре) Айхенвальд воплощает собственную методологическую позицию в жанре силуэта; создавая абрис писателя, критик очерчивает круг связанных с его творчеством образов. Как отмечает А.Ю. Морыганов, метод Айхенвальда основан на принципе смыслового «сжатия» художественного слова: главным композиционным принципом становятся «анфилады», своего рода каталоги образов писателя [5, с. 10–11].

Значимость собственного подхода Айхенвальд осмысляет в противостоянии «реальной критике» в лице В.Г. Белинского. Автор Серебряного века ставит в укор классику и то, что тот «направил решительные шаги в сторону вульгарного и наивного утилитаризма», и то, что «далеки от него органичность и дух живой системы» [15, с. 5, 1]. В этих упреках усматривается противоречие между постулируемым Айхенвальдом отсутствием законов литературного развития и призывом к системности. Разрешением обозначенного парадокса служат айхенвальдовские концентры, на основе которых критик предлагает «схематизировать русскую художественную словесность» [13, с. XXXV]. Концентрами, или линиями «духовных преемственностей» [13, с. XXVI], оказываются оседлость и скитальчество, деревня и город, природа и культура, хищное и смиренное. На пересечении этих векторов выстраивает Айхенвальд систему ценностей русской литературы.

Однако нам представляется, что опорой, удерживающей указанные противовесы, является еще один, не эксплицированный в предваряющей книгу «Схеме к изучению русской художественной литературы» фактор, обозначенный именами А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. В «Силуэтах...» они предстают не только как писатели, но и как силы, определяющие соотношение аксиологических полюсов русской литературы. «У врат нашего литературного царства стоят они оба, Пушкин и Гоголь, светлый и темный, благодарный и отчаявшийся. И нужны они, действительно, оба...» [13, с. 56], — так постулирует Айхенвальд смысловую целостность русской литературы.

В развитии намеченного еще Белинским и Чернышевским сюжета о полярности пушкинского и гоголевского творчества Айхенвальд, в отличие от собственного антипода¹ В.В. Розанова², прослеживает исторические траектории пушкинского «света» и гоголевского «смеха». Анфилада писательских обликов у него задумана не линейно (напрасно критика обвиняли в отсутствии хронологической последовательности его очерков³). По законам графического силуэта Айхенвальд выстраивает свою галерею на контрасте черного и белого, и потому движение русской литературы у него идет в двух противоположных направлениях. Пушкинское представляют А.А. Ахматова, на которой «почиет благодать Пушкина», а также И.А. Бунин — наследник «вечной пушкинской традиции» [16, с. 286, 176]. Гоголевское же направление ведет к Ф.М. Достоевскому, влияние которого изжить невозможно: «Под черным знаком Достоевского, в его стиле движется наше время» [14, с. 120], — пишет критик в 1906 г., удостоверяя созвучие писателя собственной эпохе.

Место Пушкина и пушкинской традиции в эстетической системе Айхенвальда было осмыслено в статьях Е.А. Тахо-Годи [7; 11]; пушкинский миф критика и концепция Пушкина-«всепоэта» проанализированы в диссертации Д.В. Зуева [3]; раздумья Айхенвальда о Достоевском и революции проанализированы в работах И.В. Кочергиной [4] и Е.А. Тахо-Годи [8]. Задача нашей статьи состоит в прояснении линии преемственности Гоголь — Достоевский.

Опубликованный в 1906 г. очерк Айхенвальда «Гоголь» обогатил символистскую гоголиану двумя концептами. Это свифтowskiй образ Го-

1 Как отмечает Е.А. Тахо-Годи, Айхенвальд «был абсолютно чужд “философии повседневности” В.В. Розанова. Неприятие их было взаимно и принципиально. Они расходились в оценке не только Белинского, чье низложение Айхенвальдом Розанов не принимал, но и друг друга». Айхенвальду «глубоко претит розановский а-морализм, кокетливые утверждения о том, что Розанов даже не знает, как пишется слово “нравственность”» [9, с. 199, 200].

2 В статье «Пушкин и Гоголь» В.В. Розанов, в частности, обвинял автора «Мертвых душ» в безжизненности созданных им образов: это не «живые лица», как у Пушкина, а «крошечные восковые фигурки» [22, с. 40]. Статья впервые была опубликована в газете «Московские ведомости» в феврале 1891 г. под названием «Несколько слов о Гоголе».

3 В 1907 г. К.И. Чуковский в обзоре литературной критики начала XX в. отмечал, что Айхенвальд в «Силуэтах русских писателей» не учитывает хронологии и типологии творчества; он с «легкостью от Гаршина идет к Баратынскому, от Короленко к Грибоедову <...> и где связь между одним его визитом и другим, — этого никто никогда не поймет» [10, с. 534].

голя-Гуливера, насмешливо поднимающего на ладонь «жалких карликов», и образ Гоголя — «внутреннего Гуинплэна» [13, с. 62, 80], восходящий к роману В. Гюго «Человек, который смеется». Дальнейшее движение образа смеющегося Гоголя по страницам статей Эллиса и А. Белого было подробно проанализировано в монографии Л.А. Сугай «Гоголь и символисты» [6, с. 77–79].

Важной перспективой при этом остается анализ гоголевских контекстов, вырастающих на границах статьи-силуэта, определение места Гоголя в «галерее русских духовных типов»: именно так охарактеризовал критические опыты Айхенвальда С.Л. Франк [23, с. 125].

Отметим, что имманентная критика, отказывая в праве на существование истории литературы («естественно рассматривать сущность писателя вне исторического пространства и времени»), наделяет неограниченными правами мистику литературы — этой, по слову Пушкина, «беззаконной кометы в кругу расчисленном светил» [13, с. IX, I]. Для Айхенвальда писатель предстает как «явление спиритуалистического, даже астрального порядка» [13, с. XIX]. В мистические связи, как нам представляется, вплетена и судьба «силуэтиста». Айхенвальд рисует образ Гоголя «акварельно»: то как сказочную «мертвую воду» или медицинскую «холодную воду», то как сводящее с ума «мертвое море» воссозданной человеческой пошлости [13, с. 56, 69, 62]. Море же приняло самого критика на борт отнюдь не сказочного парохода, в 1922 г. навсегда разлучив его с Россией, которую Айхенвальд защищал от гоголевского наследника — Достоевского.

В том же 1922 г. статью «Памяти Достоевского» в московском альманахе «Новая жизнь» Айхенвальд завершил следующими словами: «Достоевский себя не преодолел, но другим он оставил завет: преодолеть в себе Достоевского. <...> он — трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Через Достоевского, но к Пушкину, к Толстому — такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя» [12, с. 13].

В намеченной перспективе значимо отсутствие имени Гоголя в силу противонаправленности его творчества пушкинской магистрали⁴. Поэтому

4 Следует отметить, что в сценариях «преодоления» Достоевского, разрабатываемых в символистской критике, оппозиция Пушкин – Гоголь нередко утрачивала свою действенность. К примеру, в статье Андрея Белого 1905 г. «Ибсен и Достоевский» противостояние

призыв Айхенвальда к советской России «преодолеть» Достоевского может быть прочитан и как усилие превозмочь колдовское влияние Гоголя. «Как некий колдун проникновенный, наворожил он России революцию» [17, с. 243] — это мнение критик высказал о творце «Бесов» под влиянием событий 1905 г. Не называя имени Гоголя, Айхенвальд тем не менее актуализирует топоры собственной гоголевской статьи: и колдуна из «Страшной мести», и «заколдованный круг низменных и комических образов» [13, с. 74], из которого не смог вырваться Гоголь. Так подлежащая преодолению «трагическая категория духа» в лице Достоевского оборачивается «смеющейся маской Гоголя, с страшным могуществом смеха...» [21, с. 12].

Что же передает Гоголь писателям-потомкам? Что, родившееся под его «отравленным пером» [13, с. 58], становится русским литературным наследием?

Прежде всего — подозрительность, презумпция низменности человека. «В своем смехе неумолимый, немилосердный, требовательный до мелочей, Гоголь сбрасывает душевные покровы со своих несчастных жертв и в каждой из них выискивает какого-нибудь мелкого беса, ревниво подмечает все гадкое, жадное, стыдное» [13, с. 60]. Гоголь у Айхенвальда выступает как инквизитор, смертельным огнем очищающий человеческую душу. Его смех воздействует по принципу болезни: подобно тому, как в ее тяготах и страданиях Гоголь усматривает пользу для человека, так и его безжалостный смех, по мнению критика, обладает целительным свойством: «...человечеству нужно это неумолимое изобличение, эти немилосердные попреки и насмешки, которые он бросал ему в его смешное лицо» [13, с. 79]. Однако, сколь бы благими ни были гоголевские намерения, они не отменяют для Айхенвальда общей расстановки сил: маленьких уродцев рассматривает великан Гулливер, чтобы пополнить ими свою комнату искусств — «человеческую кунсткамеру» [13, с. 56]. Создания, вызванные из небытия гоголевским воображением, «мечутся от него, хотят укрыться от его дьявольской дальнорзости, найти себе какой-нибудь потаенный уголок» [13, с. 60].

пушкинского и гоголевского направлений в русской литературе снято пониманием Пушкина и Гоголя как ее «первоистоков»: «Преодоление безвкусицы Достоевского возможно двумя путями. Девизы этих путей: 1) вперед к Ницше, 2) назад к Гоголю.

К Гоголю и Пушкину — этим первоистокам русской литературы — должны мы вернуться, чтобы спасти словесность от семян тления и смерти, заложенных в нее инквизиторской рукой Достоевского» [19, с. 75].

Не будучи в состоянии воплотить живущий в его душе высокий идеал, Гоголь переживает нравственные и творческие терзания: «Художественное бессилие в области серьезного <...> было для него религиозным страданием <...> оно же было для него и эстетической обидой...» [13, с. 58]. Однако «злополучные глаза» Гоголя всюду высматривают «людское неблагообразие» [13, с. 58], и Гоголь, как некий червь, всюду найдет своих жертв, «нащупает их темными лучами смеха» [13, с. 60]. Подобно хтоническому божеству, Гоголь порождает чудовищ: «...липкие, нудные, отвратительные, они обступили его плотной стеною, одно безобразнее другого» [13, с. 58].

Примечательно, что у Айхенвальда детища гоголевской фантазии оформлены образами из пушкинского сна Татьяны: Гоголь «с тоскою видел кругом себя

очи всех,

Копыта, хоботы кривые,

Хвосты хохлатые, клыки,

Усы, кровавы языки,

Рога и пальца костяные» [13, с. 58].

Эта пушкинская цитата, как мы полагаем, призвана оттенить разнородность дара Пушкина и Гоголя. Если чудовища татьянинного сна — порождение литературной традиции («мысли о Светлане» В.А. Жуковского), то «калеки и ходячие нелепости», заполнившие пространство гоголевских произведений, — это то, что писатель осознает как собственный грех, который «он не только должен замолить у Святых мест, но и <...> вырвать, выжечь все эти обличительные, несмирненные страницы, для того, чтобы они исчезли из памяти современников и потомства» [13, с. 56].

И все же «потомство» помнит эти страницы, исполненные «тоски и сурового осуждения», которые «змеились в потаенных складках» гоголевской «насмешки» [13, с. 65]. В ипостасях инквизитора и судьи воспринимает Айхенвальд Достоевского, выискивающего тайные пристрастия человека, забирающегося «в самые сокровенные изгибы чужого духа» [14, с. 131]. Подобно Гоголю, «сбрасывающему душевные покровы» [13, с. 60] с жертв собственного комизма, Достоевский «обнажает», «нецеломудренно выворачивает» человеческую душу, не щадит «стыда и наготы своего бра-

та» [14, с. 131]. Однако «мучительное сознание ответственности» [13, с. 56] Гоголя сменяется у Достоевского холодной аналитикой, и критик задается вопросом: «...в его психологическом анализе, в этих затейливых арабесках, которые иногда морально утомляют, нет ли чего-то самодовлеющего, праздного, чего-то безнравственного?» [17, с. 250]. Гоголевская тень здесь спущается в слове «арабески», обозначающем нечто экзотически-дикуинное, «кунсткамерное». Достоевский-психолог у Айхенвальда — тот же Гулливер, с высоты созерцающий «трясину» [13, с. 62] человеческой психики. Рассматривая собственных героев, он пользуется «неким увеличительным психологическим стеклом, и потому в его глазах все разрастается, принимает чудовищные размеры...» [14, с. 124].

Все эти оптические эффекты, по мнению Айхенвальда, безнравственны: нельзя заглядывать в человеческое сердце «с таким проникновением и с таким дерзновением, на которое человек по отношению к человеку не имеет права» [14, с. 124]. Об этом писательском праве, понятом в гоголевском очерке как право судьи «проникать в самую глубину своих подсудимых» [13, с. 68], вопрошают литературные братья Акакий Акакиевич и Макар Девушкин: «Акакий Акакиевич отказался бы от нашего сострадания, отказался бы от самой шинели, лишь бы только Гоголь его не трогал, не возводил в “перл создания”, не вводил нас в тайны его несчастного туалета, не рассказал с присущей ему нескромностью, как он торопливо съедает свой обед “с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору» [13, с. 67]. В отказе от сострадания с Акакием Акакиевичем солидарен и герой Достоевского: «Недаром его коллега, Макар Девушкин в “Бедных людях” Достоевского, так возмутился непрошеным любопытством юмориста» [13, с. 67]. В эссе о Достоевском критик почти дословно воспроизводит реакцию гоголевского Башмачкина на своего создателя: автор «Преступления и наказания» «пьяного чиновника Мармеладова написал так, что Мармеладов отказался бы от его и нашего сочувствия, лишь бы он его не трогал, не обнажал...» [14, с. 131]. Идущее от Гоголя навязчивое желание «изуродовать и осмеять» [13, с. 68] в случае Достоевского уже не позволяет провести «грань между его любовью и его злобой». Более того, Айхенвальд задается вопросом: «...простит ли человечество Достоевскому то, что он так осквернил человека?» [14, с. 131].

Инфернальные коннотации в оценке Гоголя в очерке о Достоевском становятся констатациями: «Он беспощаден и неумолим, он изобретателен

в своих муках, этот “жестокий талант”, и, может быть, это — единственный писатель, которого хочется и можно ненавидеть, которого боишься, как привидения. Это — писатель-дьявол» [14, с. 128].

Данная Достоевскому оценка Н.К. Михайловского в устах Айхенвальда адресуется и Гоголю: «...Гоголь <...> как писатель, жесток» [13, с. 71].

Примечательно, что эта характеристика связана не с тематикой гоголевского творчества, не с размышлениями о том, как «смешное претворилось для него в страшное, веселое стало печальным» [13, с. 58]. Жестокость Гоголя раскрывается в его стиле: анализ гоголевской цветописы ведет к размышлениям о главной краске, любимой Гоголем, — цвете крови. «От серых медвежьих тонов Собакевича ему, живописцу, отрадно было переноситься к блестящим тканям польских одежд, или хотя бы к пестрым нарядам малороссийских дивчин <...> или даже на ярмарку <...>. В обители яркого он часто идеализирует грубое, дикое, тешит себя “широким разметом душевной воли”, поскольку она проявляется в алых потоках человеческой крови, и он нередко заливает ею свои страницы; он любит это красное вино, драгоценное вино <...>. И красная свитка дьявола, разрезанная на куски, тянется по всему миру и огненно вспыхивает то в одном, то в другом месте. <...> Гоголь вообще упивается горящими красками зла...» [13, с. 71].

Обвинения в жестокости, обличение дьявольской природы творчества обоих писателей у Айхенвальда дано как минус-присутствие Пушкина. И для Гоголя, и для Достоевского Пушкин предстает как идеал, в свете которого их создания предстают порождением ада — в библейско-дантовских коннотациях этого слова. В своих критических высказываниях оба писателя убедительно выразили поклонение Пушкину как русскому национальному поэту и «всечеловеку». И также убедительно задали собственным творчеством антипушкинский вектор литературного развития.

Называя Гоголя «замечательно-тонким литературным критиком», Айхенвальд вспоминает его «классические страницы» о Пушкине, показывающие, как Гоголь, «темный и больной, горячо любил это светлое солнце нашей поэзии, искал его лучей, чтобы согреть свою зябкую душу, тяготел к его дивной гармонии» [13, с. 74]. Однако при «глубоком понимании великого и возвышенного» Гоголь не мог вырваться из «цепкой среды» пошлости [13, с. 74]. И дело здесь не в усиллии, не в способности воплотить «упования» в реальные образы, а в уготованном писательском поприще. Подобно

тому, как «светлый» Пушкин благодарен «своему гению» как свыше полученному дару, так и «темный» и «отчаявшийся» Гоголь страдает «от своего назначения, которое ему было предуказано свыше — Тем, кто распределяет человеческие способности и силы» [13, с. 56–57]. В размышлениях о гоголевском «назначении» слышны отзвуки и «Записок сумасшедшего», и «Портрета». Гоголь прочитывается Айхенвальдом в обратной проекции: от героев — к автору: «Кисть, утомленная неблагообразием, стремилась написать правильное и одухотворенное лицо; но как у художника Чарткова она была развращена золотом, так у Гоголя ее загубило пристрастие к смешному, и она бессильно выпадала из рук его» [13, с. 57].

Писательских сил Гоголя не хватило на то, чтобы воскресить «безнадежно-мертвые души» [13, с. 57]. В этом выводе явственны аллюзии не только к «Божественной комедии» Данте, но и к книге пророка Иезекииля: «...мы имеем <...> только один, первый том печальной эпопеи, где расстилается перед нами поле, усеянное мертвыми костями...» [13, с. 57]. В книге Иезекииля Бог, оживляющий мертвые кости, восстанавливает дом и дух Израилев {«Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь» (Иез. 37: 5–6)}. Гоголь же, мечтавший о втором и третьем томе «Мертвых душ», не реализовал свой замысел, не смог воскресить души — «и те, которые покупал Чичиков, и те, у которых он покупал» [13, с. 58]. Однако в самом этом усилии ощутим христианский трагизм: Гоголь был «пригвожден» «к человеческим низинам» [13, с. 57], однако греха их своим страданием не искупил.

Эти библейские коннотации как бы помимо намерений критика вводят творчество Гоголя в тот высокий пушкинский круг «всего великого в человеке» [13, с. 74], в котором ему с первых строк было отказано сравнением с языческим божеством: Гоголь, «бог недовольный, отворачивается от худшего из возможных миров, который он сам же, силой своего несчастного воображения, исторг из небытия...» [13, с. 56].

Достоевский — «рыцарь черного духа и страстотерпец черной болезни» — благоговел перед целомудрием и гармоничностью Пушкина, и «в пушкинских героях увидел ту всечеловечность, которую приписывал всей России...» [14, с. 135]. Гармония была недоступна Достоевскому, перед которым разверзалась «бездна противоречий, сомнений и ужаса». Мир

разыгрывался перед ним как «дияволов водевиль» [14, с. 134], до смерти познал он сущность духовного ада. По мнению Айхенвальда, Достоевский воплощает собою «ночь русской литературы, полную тягостных призраков и сумбурных видений» [14, с. 128]. Эта надрывно-безумная природа его творчества может быть понята как родовое наследие той трагической «темной ночи», в которой Гоголь, «пугая рыдающего мальчика-слугу, жжет свои страницы в печке и не ждет для них участи феникса» [13, с. 57].

Общим контрастом Пушкину, главной чертой, объединяющей Гоголя и Достоевского, предстает «человеческий атеизм» — «полное безверие в человека» [13, с. 63]. У Гоголя это выражается в слиянии человеческого облика с вещью, у Достоевского — в трагическом отсутствии любви: «Он так несчастен в своей прозорливости, что не в силах себе представить, как можно любить ближнего» [14, с. 131]⁵.

От Гоголя к Достоевскому протягивает Айхенвальд тему пролетария и революционера, придавая ей не социальное, а мистическое наполнение. У Гоголя пролетарий — тот, кто преступает собственную меру существования. Это и Хлестаков, вообразивший себя другом Пушкина и фельдмаршалом, это и якобы отыскавшийся испанский король Поприщин. У Достоевского каждый человек — «внутренний преступник», «прирожденный преступник» и убийца, убивающий не случайно, а «в силу внутренней необходимости» [14, с. 133]. Преступность как переступание экзистенциальных границ задана духовной необходимостью — стремлением к своеволию и протесту. За понимание человеческой дерзновенности, которая «создает Прометея и преступника», поклоняется Достоевскому Ф. Ницше [14, с. 134]. Однако критик усматривает у Достоевского не возрожденный античный титанизм, а вырвавшийся из адских глубин хаос, и потому «самые сочинения Достоевского — эринии, которых он выпустил из преисподней» [14, с. 131]. Революционная стихия близка Достоевскому внутренним опытом «дантовских кругов нравственных болей и надрывов» [14, с. 133]. В этом состоит его глубинный трагизм, символом которого Айхенвальд называет «Ад» Данте Алигьери: «...он был точно живая Божественная комедия; в ней же нет силь-

5 Следует отметить, что в подобных характеристиках у Айхенвальда отсутствует рефлексия о несводимости позиции Достоевского-автора к слову героя, в частности к утверждению Ивана Карамазова: «Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда» [20, с. 216].

нее и страшнее — Ада» [14, с. 137]. Императивная установка критика: «...каждая душа должна переболеть Достоевским и, если можно, его преодолеть» [14, с. 137] — воссоздает в сознании читателя гоголевский фатальный опыт преодоления ада «Мертвых душ» и одновременно осознание обреченности подобных призывов.

В силу мистических законов искусства призыв критика «преодолеть» Достоевского обернулся против него самого. Так и не «переболев» Достоевским, сама Россия отторгла и Ю.И. Айхенвальда, и Н.А. Бердяева, и С.Л. Франка, и других мыслителей — пассажиров «философского парохода», творчество которых озаменовано присутствием Достоевского⁶.

Представленный анализ статей «Гоголь» и «Достоевский» отражает те особенности творчества указанных писателей, которые сформировали субъективное восприятие критика. Метод Айхенвальда — это импрессия, впечатление, порождающие ответный творческий импульс. В нем сопричастствуют аналитические и суггестивно-поэтические начала. В силу этого проанализированные статьи не претендуют на окончательность высказанных мнений. Так, говоря в «Силуэтах...» о христианских основах творчества Достоевского, критик отмечает: «Достоевский, как религиозный мыслитель, требует специального исследования — не здесь, где намечаются лишь самые общие контуры его души» [14, с. 136].

В очерченных душевных контурах Гоголя и Достоевского эксплицированы общие черты, позволяющие говорить о парности их «силуэтов». Они совпадают во многих своих изгибах: в ночных, антипушкинских образах безумия и отчаяния, в неизбежном трагизме преступления и ужасе мертвенного смеха, в невозможности творчески преодолеть ад и утвердить светлые, добрые начала жизни.

Критика Айхенвальда, как отмечает Е.А. Тахо-Годи, «перерастала свои жанровые рамки, приобретая не только литературное, но историко-софское значение и смысл» [7, с. 183]. Рассматривая критику как явление, родственное поэтическому творчеству, Айхенвальд в «Силуэтах русских пи-

6 Как отмечает В.Н. Захаров, «в вынужденной, но спасительной для многих эмиграции <...> оказались исследователи религиозной философии и эстетики Достоевского С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк. Опираясь на идеи Достоевского, они создавали свои философские системы. Многие в их концепциях основывались на словах Достоевского и его героев...» [2, с. 8–9].

сателей» провиденциально наметил и собственную «поэтическую биографию», а вместе с нею — и биографию человеческую, сплетенную с историей родной страны, в которой политические события «колоссальным грузом обрушиваются на совесть и душу народа» (цит. по: [18, с. 166]). Если в России критик размышлял о высоком — пушкинском по типу — назначении литературы, о миссии поэта «развивать предварительные наброски и планы божества» [13, с. VI], то в изгнании он возлагает на литературу иные задачи: она «расскажет о нашем горе, о нашем позоре, о наших великих ожиданиях и великих разочарованиях, о красных реках невинной крови, о загубленных жизнях, о трусости многих, о героизме иных...» (цит. по: [18, с. 166]). В этом нам видится окончательное историософское принятие гоголевско-го-достоевского трагизма.

Список литературы

Исследования

- 1 *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 224 с.
- 2 *Захаров В.Н.* Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–20. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
- 3 *Зуев Д.В.* «Имманентная критика» Ю.И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 252 с.
- 4 *Кочергина И.В.* К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77): в 3 ч. Ч. 3. С. 25–30.
- 5 *Морыганов А.Ю.* Принцип «сжатия» в «Силуэтах русских писателей» Ю.И. Айхенвальда // Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 1999. С. 5–14.
- 6 *Сугай Л.А.* Гоголь и символисты. Vanská Bystrica: FHV UMB, 2011. 526 с.
- 7 *Тахо-Годи Е.А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 3. С. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223
- 8 *Тахо-Годи Е.А.* Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2021. Вып. 23. С. 485–507. DOI: 10.31754/ nestor4469-2034-1-25

- 9 Тахо-Годи Е.А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков и др. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 188–203. DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-188-203
- 10 Чуковский К.И. О короткомыслии // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, 2012. Т. 6. С. 534–539.
- 11 Takho-Godi E.A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72, issue 3–4. P. 313–331. DOI: 10.1007/s11212-020-09403-0

Источники

- 12 Айхенвальд Ю.И. Памяти Достоевского // Новая жизнь. М., 1922. Кн. I. С. 10–13.
- 13 Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Изд-е «Научного слова», 1911. Вып. I. 268 с.
- 14 Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Изд-е т-ва «МИРЪ», 1913. Вып. II. 234 с.
- 15 Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Изд-е т-ва «МИРЪ», 1913. Вып. III. 224 с.
- 16 Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Берлин: Слово, 1923. Т. 3. 302 с.
- 17 Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
- 18 Айхенвальд Ю.А. Отцы и деды. Диалог через 70 лет // Октябрь. 1994. № 5. С. 114–166.
- 19 Белый А. Собр. соч. Арабески. Луг зеленый. М.: Республика, 2012. 590 с.
- 20 Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в 4 частях с эпилогом. Книги 1–10 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. XIV. 511 с.
- 21 Достоевский Ф.М. Книжность и грамотность. Статья первая // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. XIX. С. 5–12.
- 22 Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 136–142.
- 23 Франк С.Л. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Путь. 1929. № 15. С. 125–126.
- 24 Nabokov V.V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. New York: Vintage International, 1989. 316 p.

References

- 1 Glavatskii, M.E. “*Filosofskii parokhod: god 1922-i. Istoriograficheskie etudy*” [“*The Philosophical Steamboat: the Year 1922. Historical Sketches*”]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2002. 224 p. (In Russ.)

- 2 Zakharov, V.N. "Aktual'nost' Dostoevskogo" ["The Relevance of Dostoevsky"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 8, no. 1, 2021, pp. 5–20. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
- 3 Zuev, D.V. "Immanentnaia kritika" Yu.I. Aikhenval'da doemigrantskogo perioda: problema pisatel'ia i chitatel'ia [Yu.I. Aikhenval'd's "Immanent Criticism" of the pre-Emigration Period: the Problem of the Writer and the Reader: PhD Dissertation]. Moscow, 2006. 252 p. (In Russ.)
- 4 Kochergina, I.V. "K voprosu ob otsenke russkoi revoliutsii v kritike i publitsistike Yu.I. Aikhenval'da" ["On the Issue of Assessing the Russian Revolution in Criticism and Journalism Yu.I. Aikhenval'd"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 3 (77), no. 11, 2017, pp. 25–30. (In Russ.)
- 5 Moryganov, A.Yu. "Printsip 'szhatiia' v 'Siluetakh russkikh pisatelei' Yu.I. Aikhenval'da" ["The Principle of 'Compression' in Aikhenval'd's 'Silhouettes of Russian Writers'."]. *Tvorchestvo pisatel'ia i literaturnyi protsess. Slovo v khudozhestvennoi literature, stil', diskurs* [Works of the Writer and the Literary Process. Word in Fiction, Style, Discourse]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., 1999, pp. 5–14. (In Russ.)
- 6 Sugai, L.A. *Gogol' i simvolisty* [Gogol and the Symbolists]. Banská Bystrica, FHV UMB Publ., 2011. 526 p. (In Russ.)
- 7 Takho-Godi, E.A. "Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Yu.I. Aikhenval'da" ["Pushkin in the Philosophical and Aesthetic System of Yu.I. Aikhenval'd"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 3, 2020, pp. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223 (In Russ.)
- 8 Takho-Godi, E.A. "Yuly Aikhenval'd v filosofskikh razdum'iakh o Dostoevskom, revoliutsii i putiakh russkoi literatury" ["Yuly Aikhenval'd in Philosophical Reflections on Dostoevsky, the Revolution and the Ways of Russian Literature"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoyevsky: Materials and Reseraches], vol. 23. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021. pp. 485–507. DOI: 10.31754/nestor4469-2034-1-25 (In Russ.)
- 9 Takho-Godi, E.A. "'Estestvennyi simvolizm' Yulii Aikhenval'da (k voprosu ob esteticheskom metode)" ["'Natural Symbolism' by Yuly Aikhenval'd (to the Question of the Aesthetic Method)"]. Kholikov, A.A., editor. *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuu epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza* [Russian Literature and Journalism in the pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 188–203. DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-188-203 (In Russ.)
- 10 Chukovskii, K.I. "O korotkomyslii" ["On Short Thinking"]. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 6. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012, pp. 534–539. (In Russ.)
- 11 Takho-Godi, E.A. "Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony." *Studies in East European Thought*, vol. 72, issue 3–4, 2020, pp. 313–331. DOI: 10.1007/s11212-020-09403-0 (In English)